

Гендерные аспекты семантики образов белорусского орнамента по М.С. Кацера

Бобрович Г.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье впервые поставлена и исследована с точки зрения гендерной теории проблема дифференциации в декоративно-прикладном искусстве женских и мужских образов орнамента белорусов по единственному сохранившемуся экземпляру ксерокопии рукописного альбома-«альфакта» первого белорусского историка искусства, доктора искусствоведения, профессора М. С. Кацера (1906–1995) «Образы орнамента народного художественного ткачества Белоруссии» («Образы орнамента НХТБ»), который в настоящее время находится в личном архиве белорусского искусствоведа и этнолога, доктора исторических наук, профессора Е.М. Сахуты. Автор выделяет четыре основных типа образов-узоров. Во-первых, это узоры, в которых присутствует только женское начало. Во-вторых, узоры, в которых женское начало является доминирующим, но дополняется мужским. К третьей группе относятся узоры, тождественно соединяющие в себе в неразделенную целостность мужское и женское начало. Наиболее ярко это проявляется в образах-узорах любви. К четвертой группе необходимо отнести те узоры, в которых гендерное начало намеренно отсутствует. В чисто антропологическом измерении таковыми являются узоры, связанные с детьми-младенцами.

Ключевые слова: женское, любовь, мужское, образ, орнамент, отражение, труд, узор.

(Искусство и культура. – 2019. – № 4(36). – С. 69–75)

Gender Aspects of the Image Semantics of Belarusian Ornament According to M.S. Katser

Bobrovich G.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

For the first time, the article posed and investigated from the point of view of gender theory the problem of differentiation in the decorative and applied art of female and male images of the ornament of Belarusians according to the only surviving copy of the manuscript album-“alfact” of the first Belarusian art historian, Doctor of Art History, Professor M.S. Katser (1906–1995) “Images of the Ornament of Folk Art Weaving of Belarus”, which is currently in the personal archive of the Belarusian art critic and ethnologist, Doctor of Historical Sciences, Professor E.M. Sahuta. The author identifies four main types of patterns. Firstly, these are patterns in which only the feminine is present. Secondly, patterns in which the feminine is dominant, but complemented by the masculine. The third group includes patterns that identically combine the masculine and feminine principles in an inseparable integrity. This is most clearly manifested in image patterns of love. The fourth group should include those patterns in which the gender principle is intentionally absent. In a purely anthropological dimension, these are patterns associated with infants.

Key words: the feminine, love, the masculine, image, ornament, reflection, labor, pattern.

(Art and Cultur. – 2019. – № 4(36). – P. 69–75)

Актуальность исследования традиций гендерно-социального ракурса стереотипных архетипичных мифологически-природных образов в контексте рукописного альбома-«альфакта» М.С. Кацера во многом детерминирована проблемами, связанными

с практической реализацией государственного документа «Обновленная Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республики Беларусь: преемственность и новации». В качестве одного из основных приоритетов этой Концепции закреплено

Адрес для корреспонденции: bobrovichgalina@gmail.com – Г.А. Бобрович

семейное и гендерное воспитание, направленное на формирование ответственного отношения к семье, браку, воспитанию детей; осознанных представлений о роли и жизненном предназначении мужчин и женщин в современном обществе [1]. Данное воспитание особенно важно для нашего государства в связи с тем, что в современном мире в последнее время ведется активная пропаганда идей такого гендерного «равенства», в рамках которого, по существу, отрицаются всякие отличия между мужчинами и женщинами. Одним из очевидных следствий этого явилось, например, разрушение традиционной семьи.

В рамках задач исследования данной статьи, сравнительный анализ исторических и краеведческих сведений будет осуществляться по фотокопиям страниц оригинала альфакта «Образы орнамента НХТБ», что, соответственно, поспособствует введению в научный оборот краеведческих и других собранных ученым данных в том полном виде, как они содержатся в альбоме, без частичной выборки и систематизации, приведенных в ранее опубликованных версиях рукописного издания в переводе на белорусский язык, подвергшихся некоторым цензурным ограничениям [2, с. 9–12; 3; 4, с. 1–265].

Предварительно необходимо отметить, что «образ-узор – это основная ячейка, первокирпичик орнамента. Его смысловой аналогией является слово в языке. Хорошо известно, что слова могут быть как простыми, так и сложными. Точно также простым и сложным может быть и образ-узор. Каждый узор имеет свое название, а также свое семантическое содержание. Данное содержание носит четко выраженный полифонический характер и включает в себя эстетический, социальный, прагматический и другие аспекты. Многие узоры овеяны лирическими мотивами, нежной мелодией. В них эстетическое содержание детерминируется психологическим состоянием автора. Так, например, узор «Заря-Зарница красная девица», несомненно, порожден мечтами о счастье, о любви. Существует и обратная детерминация. В свою очередь, красота узора способна порождать подобные мечты. Большое количество узоров-образов носит романтический характер. В качестве яркого примера можно привести образ русалки. Он волнует зрителя страстным желанием девушки любить и быть любимой. В этом желании ощущается также и вся трагичность любви, воплотившаяся в предчувствии возможной недостижимости этого желания. С другой стороны, существуют и противоположные узоры-образы, навевающие на человека ощущения не только желанной,

но и актуально достигнутой полноты счастья жизни. Это образ Купалочки, Лады, узор хоровода, танца «Лявониха». В социальном отношении немало узоров посвящены доброй памяти о наших предках. Это узоры «Дзяды», «Радунца», образы «дедов-волатов» и т.д.

В чисто прагматическом отношении необходимо выделить ряд постилок, вся поверхность которых занята различными узорами. В них раскрываются жизненные коллизии, сложные сплетения человеческих взаимоотношений и бытовых ситуаций между собой. Например, в постилке с изображением голубя и голубки, узорах женской доли, узорах матери-земли-кормилицы выражается мысль, желание девушки не только быть любимой, выйти замуж за «добрага хлопца», но и сделать свою крестьянскую долю счастливой, получив хороший надел земли. Как мы видим, эта мысль носит интегративный характер. Соответственно, для своего адекватного выражения она требует также применения различных узоров. Но существуют и постилки с одним узором: например, только с узором Житеня – символа урожая. В ней ярко выражено одно единственное и сильное желание крестьянки – получить хороший урожай [4, с. 1–2].

Говоря о социальном содержании образов-узоров, необходимо отметить, что М.С. Кацер не просто восхваляет величие крестьянина, но и подчеркивает его главенствующую социальную роль в создании и формировании общественных отношений: «...тысячелетиями трудился на полях Белоруссии хлебороб крестьянин белорус. Он кормил, поил, одевал себя, весь народ и помогал соседям. Он создал сложную систему хозяйства, максимально приспособленную для производства зерна и животноводства. Создал малые и большие местечки и деревни для повседневной жизни, труда и отдыха. Создал сеть жилых и хозяйственных строений. Воздвигнул прекрасной архитектуры храмы. Украсил их высокохудожественной живописью, скульптурой, декоративным искусством. Крестьян создал мудрый, остроумный фольклор, сказки, басни, пословицы, поговорки. Они глубоко, правдиво, остроумно объясняют законы природы и общества» [4, с. 32].

Причем, как мы видим, по мнению белорусского искусствоведа социальная роль белорусского крестьянина не исчерпывается только лишь материальным производством. Она также включает в себя и различные чисто эстетические моменты. Кроме того, «крестьянин создал семью, как основу государства, как фундамент общественной жизни. Семья – это

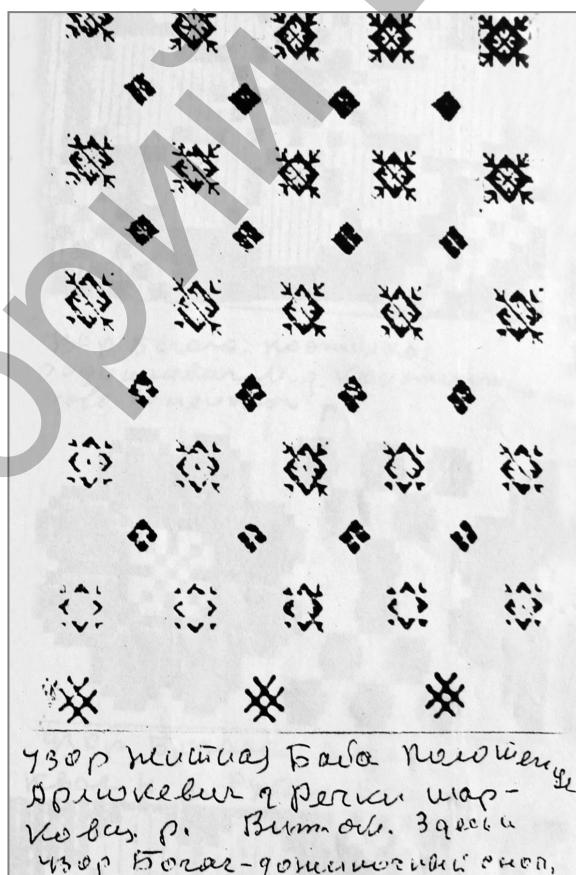
ЖЕНСКИЕ	МУЖСКИЕ
Образы-узоры урожая (урожайности). Плодородия	
Житная Баба	Образ урожая – Ярило (Ярило-Егорья, Ярыло-Юрия, Ярыло-Юрыло, Ярт-Юрт, Ярый-Юрий, Юрия-Егора, Егорья, Егора, Ярыла-Юрыла добрый Дядька)
Мать Земля (Мать Земля кормилица)	Спарыш
Дождевая капля (капля, дождинка)	Рай (Раю, Раек)
	Богач (Богач-Дожиночный сноп), Житень, Полевик, Хлеб

трудова ячейка для производства продуктов питания. Он утвердил в процессе развития рациональные отношения между мужчиной и женщиной, между мужем и женой. Он подчинил их труду, рождению и воспитанию детей. Для отдыха, для воспитания молодых он создал чудесные праздники: Великдень (Пасха), Купалле, Коляды. Праздники, утверждающие и прославляющие крестьянина, его труд, его быт, его повседневные заботы...» [4, с. 32].

Таким образом, по мнению Кацера, через орнамент, через узор речь идет о совершенно конкретных традиционных гендерных ролях мужчины и женщины в системе веками сформировавшихся ценностей, детерминирующих их поведение в соответствующих возрастных и социальных статусах.

Конечно, гендерно-социальное различие нашло свое отражение и в фольклоре, в том числе и в мифологических образах. «В Белоруссии главным источником памяти о языческой славянской мифологии является НХТ. В орнаменте постилок, рушников, скатертей созданы образы языческой славянской мифологии. Народная вышивальщица Красичкова Е.И. рассказывала. Когда она была девочкой, ездила в деревню к бабушке. Там весной было свято. Называлось оно Ярило-Юрья. Тогда выгоняли статок на луг, на росу. Старая бабка просила громким голосом, каб Ярило охранял статок от зверей, каб скотина была сытая, а коровы давали молока. Бабка говорила, что у Ярыла есть жена Житная Баба. И что у них есть дети. Это Житень, Спарыш, Раю и Богач» [4, с. 3–4].

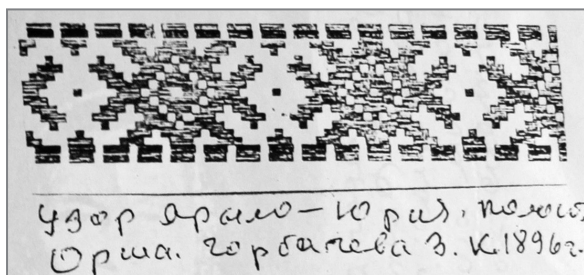
Анализируя собранные М.С. Кацером белорусские образы-узоры, приходим к выводу о том, что абсолютное большинство из них основываются на мифологических началах. Условно в трудах искусствоведа эти начала можно подразделить на три группы. К первой группе можно отнести конкретные языческие

Полотенце. Узор «Житная Баба».
Мастерица Г. Арлюкевич.
Шарковщинский р-н, Речки [3, с. 20].

образы, связанные с главным крестьянским трудом. Они достаточно четко подразделяются на мужские и женские (табл. 1).

Важно подчеркнуть, что в языческой мифологии гендерное разделение не носит абсолютного характера. На наш взгляд, это нашло свое эстетическое отражение в узорах. Как отмечает Кацер, многие узоры Ярыло

Полотенце. Узор «Ярыло-Юрия». Мастерница З.К. Горбачева. 1896 г.р. Орша [3, с. 7].

даны в соединении с узором «Мать-Земля-кормилица». Образ Ярыло-Ягорья тесно связан с землей, с нивой [4, с. 7].

Во второй группе представлены более общие мифологические образы. Причем, они также подразделяются на мужские и женские (табл. 2).

К третьей группе относятся только лишь женские мифологические образы (табл. 3).

Комментируя семантическое содержание этих образов, Кацер подчеркивает, что «Мать и Дите величайшее выражение идеи Добра, Любви и Красоты. Любовь матери к ребенку, это сокровенное проявление человеческой любви... Дети наше счастье, наша радость, наша любовь. Несчастен тот человек, который не имеет детей» [4, с. 44–45].

В результате анализа описания образов узоров по Кацеру, условно их можно разделить на четыре группы. Во-первых, это образы с ярко выраженным женским гендерным доминированием. Таких большинство. На наш взгляд, данный феномен носит не только объективный, но и субъективный характер. Михаил Сергеевич, сам подверженный определенному мифотворческому и инстинктивному восприятию действительности,

также строго усвоил гендерные ролевые сценарии обязанностей мужчин и женщин в патриархальной крестьянской семье (родился в 1906 году в деревне Климовичи Сенненского уезда Могилевской губернии – теперь Сенненский район Витебской области, вырос в большой семье): «Родители, – писал он, – потомственные белорусы, крестьяне. Здесь я на всю жизнь полюбил деревенскую жизнь, крестьянский труд. Полюбил народное художественное ткачество, народные песни, танцы, познакомился и участвовал в народных обрядах, праздниках, свадьбах. Моя мать Феодосия Александровна, сестра Федора, Матрона, Хрыстына, Ульяна, Настя хорошо пели народные белорусские песни. Все время ткали и вышивали орнаментированными белорусскими народными узорами постилки, рушники, андараки, скатерти. Вышивали мои рубашки, ткали пояса. Я с детства был увлечен красотой и обаянием постилок, рушников, скатертей, андараков. И эта любовь сохранилась до нашего времени. Эта любовь помогла мне собирать материал и изучать НХТ» [4, с. 264].

Таким образом, он видел, что создание узоров было практически чисто женским занятием. Очевидно, что гендерные отличия в самом крестьянском труде привили и к гендерным отличиям в эстетической области. Образы-узоры создавались в основном женщинами и предназначались в основном для женщин.

Однако узоры несли в себе сверхгендерное социальное значение. Его можно определить даже как всечеловеческое. «НХТ занимает важное место в социальной жизни общества. Но, до сего времени оно слабо изучено. Мы привыкли оценивать НХТ со стороны декора, красоты. Этот метод при всей его практичности односторонен, узок. НХТ содержит в себе более глубокие, более обширные качества:

Таблица 2

ЖЕНСКИЕ	МУЖСКИЕ
Образы языческой, славяно-белорусской мифологии	
Образ Матери Богини Родительницы	Образ Солнца. Великое Солнце. Большое Солнце
Образ Родительницы. Образ Древа жизни	Узор Перуна-Бога грома и молнии (Пророк Илья-Громовержец, Литовский Бог грома и молнии Перкунас)
Образ матери Роженицы и Древа Жизни	Громовик
	Огонь-Жижель, Ветер-Стрибог, Древо жизни, Святое древо

ЖЕНСКИЕ
Образ великой Богини Матери всех людей
Образ Матери женщины, Матери всех людей
Образ Матери земли, Матери и кормилицы всей природы
Образ Матери Богини на небе, Матери Богини в звездах (на зорьке, в зорьке)
Образ Матери Богини – символ любви и материнства (Оранта-Мать Богиня молящаяся за людей, Образ Христианской Божией Матери)
Образ Параскевы Пятницы
Богиня-мать Берегиня. Покровительница матери и ребенка (Мать-Богиня Берегиня. Покровительница Матери и Диця)
Образ родной матери

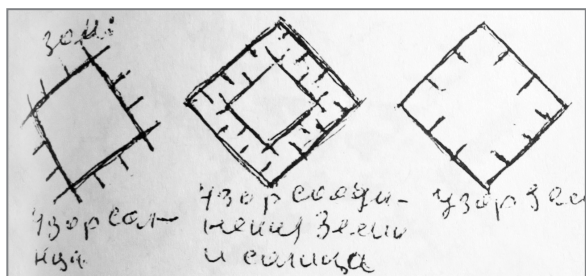
- несет в себе идеи добра, любви и красоты;
- украшает и оформляет одежду, интерьеры зданий;
- воспитывает красотой;
- утверждает в жизни труд как основу нашей жизни;
- хранит в своих узорах память о языческой славянской мифологии;
- воспитывает человека в духе патриотизма, любви к своей Родине;
- воспитывает любовное отношение к предкам, к родителям, к старшим;
- укрепляет семью как основу государства, общества;
- утверждает здоровые отношения между женщиной и мужчиной» [4, с. 1].

Выявляя, формулируя впервые в искусствоведческом и социально-культурологическом контексте понятия и терминологию традиционного художественного текстиля как явления женской субкультуры, он опирается на данные местных информаторов, старожилов, искусных мастериц: «Узор-образ: каждый узор имеет свое название, свое общественное содержание... Произведения НХТ (постилки, рушники, андараки) также, как и книга, кинокартина, театральная постановка содержат в себе сведения о жизни, быте и труде народа. Они повествуют о мыслях и чувствах человека. Есть постилки, раскрывающие переплетение различных явлений и ситуаций между собой. Вот что сказала по этому поводу Миклушова из Сенно: «Надо много знать, чтобы узор прочитать. Ци светлым Солнцем, ци хатним ваконцем, ци вешой кукушкой, ци мягкой подушкой. Ци яркой зорькой, ци вдовой горькой. Ци старым сватом, ци родным братом. Ци родной сестрицей, ци светлой крыницей. Ци зарой зарницей, ци доброй молодичей. Ци красой девицей, ци светлой вадицей» [4, с. 2; 108].

Таким образом, для адекватного выражения общественного содержания крестьянской мастерице необходимо было использовать образы-узоры второго типа. В них

Полотенце. Узор «Обряд Первой ночи».
Могилевский губернский музей, XIX век [4, с. 104].

Схематическое изображения М.С. Кацером узоров «Солнца», «Соединения Земли и Солнца», «Земли» [4, с. 124].

женское гендерное доминирование также присутствует, но оно органически дополняется мужским мотивом.

К третьей группе мы относим узоры, тождественно соединяющие в себе в неразделенную целостность мужское и женское начало. Причем, в данном случае о доминировании одного из них говорить нельзя. Наиболее ярко это проявляется в образах-узорах любви. В главе VII «альфакта» М. С. Кацер описывает и классифицирует образы и узоры любви следующим образом: «Любовь многолика, многообразна. Можно говорить о проявлении любви к любому предмету и явлению. В нашей работе мы делим проявления любви на две части. На любовь человека к человеку – это христианская любовь. И любовь мужчины к женщине – это половая любовь. Она предназначена природой для продолжения жизни, для деторождения» [4, с. 148].

Свою мысль он продолжает следующим образом: «Любовные взаимоотношения между парнем и девушкой формировались тысячелетиями. Они полностью соответствовали естественным условиям жизни и человеческой природе. Ценным здесь является то, что они в подавляющем большинстве имели целью воссоздание семьи, воспитание детей и организации хозяйства. В старой Белоруссии часто можно было встретить семью с 10 детьми. В средней семье было 4–5 ребенка. Очень редкими были бездетные семьи... Одним из важнейших качеств девушки считалась девственная чистота, трудолюбие и уважение к старшим. На этом и стоял белорусский крестьянский домострой. Узор мужчина и женщина – создание крепкой семьи, для того чтобы рожать и воспитывать детей, трудиться, вести хозяйство» [4, с. 148–201].

Именно таким узором гендерного единения является изображенный на полотенце, представленном на иллюстрации. Называется

он «Мужчина и женщина. Первая ночка» [4, с. 201].

К такому же типу можно отнести следующие узоры: «Солнца – Союз Матери Земли и светлого Солнышка», «Соединения Земли и Солнца».

К четвертой группе необходимо отнести те узоры, в которых, на первый взгляд гендерное начало вообще отсутствует. По контексту дневника белорусского искусствоведа узор «Зерно (Зернытко)» выделяется из остальных образов-узоров тем, что не имеет половой определенности. Сам Кацер в качестве объяснения приводит рассказ о зерне крестьянки А.И. Чудаковой из Чаусского района: «Зерно святое, кто любит зерно, тот будет богатый и счастливый. Зерно имело большую силу. У нас раньше, чем построить хату освещали это место зерном. А потом уже приглашали священника. Когда молодые ехали на венчание, отец благословлял их зерном, осыпал их зерном. В старое время зерно называлось добром, золотом» [4, с. 25].

В чисто человеческом измерении такими являются узоры, связанные с детьми-младенцами. Они еще не имеют гендерных различий. Однако эти различия заложены в них в потенциальной форме и с течением времени начнут проявляться.

Особо подчеркнем, что НХТ, создаваемое в женской субкультуре, подчиненной гендерной роли крестьянки в каждодневном труде, одновременно отражает комплексное мировосприятие всего белорусского этноса. Белорусский народный текстиль скрупулезно изучается современными искусствоведами в различных ракурсах, так как является наиболее живым из дошедших до наших дней явлений крестьянской культуры: «В Беларуси одним из наиболее жизнеспособных ее сегментов до наших дней оставалось создание в домашних условиях и использование узорных тканей: народного костюма, предметов оформления интерьера, обрядовых атрибутов. Это сфера исключительно женского творчества. Как область народного искусства текстиль наделен качествами духовными, образными, отражает картину мира, присущую этносу и его культуре» [5, с. 7]. «Славянская культура охватывает большую территорию, поэтому гендерные модели поведения могут различаться в тех или иных странах. Мифологическая модель России, Украины, Белоруссии, Польши, Словении, Словакии близка к равноправию» [6].

Заключение. Отметим, что в последнее время происходит процесс обогащения научного контекста трактовки роли народного текстиля в быту и декоративно-прикладном искусстве, появляется новая систематизи-

рованная терминология, всевозможные каталоги. Но, несмотря на это, исследования М.С. Кацера до сих пор остаются актуальной отправной точкой отсчета начала изучения НХТ в различных не только изобразительных, но и социальных ракурсах на временном промежутке XX века. С гендерной стороны восприятия данного исследования, это еще и уникальный опыт описания плодов женского труда в восприятии мужчины, который сам являлся воплощенным соединением как крестьянина, так и ученого в одном человеке. Как крестьянин, он впитал обоюдные стороны восприятия мира, мужскую и женскую, в их наилучшем гармоничном проявлении устойчивых семейных отношений, ценностей и имел незаменимый опыт наблюдения и участия во всех бытовых ситуациях трудовых будней, семейных и очередных праздников календарного цикла. Как ученый, он впервые обратил внимание на многие из перечисленных в данной статье духовные и культурные ценности народа и до последних дней своей жизни старался донести свои мысли современному ему обществу и будущим поколениям белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 годы: постановление Совета министров Республики Беларусь, 28 марта 2016 г., № 250 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600250>. – Дата доступа: 15.10.2019.
2. Бобрович, Г.А. Образы народных узоров по классификации М.С. Кацера / Г.А. Бобрович, Н.А. Бобрович // Национальные традиции в современном искусстве и художественном образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24–26 сент. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Ю.П. Беженарь (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 280 с.
3. Кацар, М.С. Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка. / М.С. Кацар; пер., рэд. Я.М. Сахута. – 3-е выд. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2013. – 224 с. : іл.
4. Кацер, М.С. Образы-узоры орнамента народного художественного ткачества. 1990–1993 гг. Минск–Крыжовка. Ксилография в единственном экземпляре. Выпуск третий, 265 страниц (292 стр. авторская надпись карандашом), 965 иллюстраций. – Личный архив Сахуты Е.М. Республика Беларусь, г. Минск.
5. Лобачевская, О.А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О.А. Лобачевская. – Минск: Беларус. навука. 2013. – 527 с.: ил.
6. Шибаршина, О.Ю. Гендерные модели мифологических систем Европы и современность / О. Ю. Шибаршина. – Науч. вестн. Моск. гос. техн. ун-та гражданской авиации. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-modeli-mifologicheskikh-sistem-evropy-i-sovremennost/viewer>. – Дата доступа: 15.10.2019.

Поступила в редакцию 29.11.2019